

Телеграммы по случаю смерти ректора Астраханской духовной семинарии Архимандрита Кирилла.

1) Въ отвѣтъ на извѣщеніе Преосвященнѣйшаго нашего Архипастыря о смерти ректора Астраханской духовной семинарии Архимандрита Кирилла послѣдовала отъ Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода Вл. К. Саблера слѣдующая телеграмма отъ 25 Ноября на имя Его Преосвященства: „*Скорблю о безвременной кончинѣ Архимандрита Кирилла. Выица ему память. Саблеръ.*“

2) Отъ Епископа Уфимскаго Антонія, сослуживца покойнаго по Московской дух. академіи:

Горю сожалью честнаго, самоотверженнаго дѣятеля. Царство небесное. Прошу подробныхъ свѣдѣній. Епископъ Антоній.

3) Отъ Московской духовной академіи: *Московская академія соболезнуетъ о преждевременной кончинѣ бывшаго инспектора ея. Ректоръ, Епископъ Арсеній.*

4) Отъ Казанской дух. академіи: *Академія молитвенно оплакиваетъ безвременную кончину архимандрита Кирилла. Епископъ Алексій.*

С Л О В О

при погребеніи о. ректора Астраханской духовной семинарии архимандрита Кирилла, произнесенное послѣ причастнаго стиха преподавателемъ семинарии священникомъ Николаемъ Лѣтницкимъ.

*„Скончався вмагъ исполни лѣта
долга, угодна бо бѣ Господеву душа
его“ (Прем. Сл. 4.14).*

Въ настоящее время невольно приходятъ на память именно эти священныя слова ветхозавѣтнаго мудреца, хотя пемного приподнимающія намъ завѣсу съ того невѣдомаго и таинственнаго въ нашей жизни водроса, который возникаетъ въ каждомъ изъ насъ при видѣ преждевременно сошедшаго въ могилу человѣка. Насъ не смущаетъ смерть старца, уже много пожившаго, много потрудившагося, уже тяго-

тягагося земною жизнью и созрѣвшаго лѣтами и духомъ для жизни вѣчной. Но когда умираетъ человекъ во цвѣтъ только что распустившихся силъ; молодой, сильный, любящій трудъ и способный трудиться для общаго блага, когда умираетъ человекъ, одаренный отъ Господа Бога разнообразными талантами, не зарывшій ихъ въ землю, но воздѣлывавшій ихъ съ большимъ тщаніемъ въ продолженіе почти всей своей жизни и только что выступившій, чтобы приложить ихъ на пользу ближняго, когда умираетъ человекъ ученый, образованный, разнообразный многополезный дѣятель, — сердце невольно сжимается, мысль цѣпенѣетъ и намъ становится страшно жить и трудиться среди окружающей насъ бездны таинственнаго и непонятнаго.

Это тяжелое состояніе невольно (и съ особенною силою переживается каждымъ изъ насъ теперь, когда мы, печальные, поникшіе долу, буквально убитые горемъ предстоимъ у гроба почившаго нашего общаго любимца начальника, сослуживца, совѣтника, товарища, утѣшителя—о. архимандрита Кирилла.

Лишь только вѣсть о смерти его разнеслась въ семинаріи и сдѣлалась извѣстной и за ея предѣлами, какъ чувство глубочайшей скорби проникло въ сердце каждаго, хотя немного знавшаго почившаго, и у каждаго невольно являлся вопросъ: неужели это правда? неужели не стало этого человека, полного силъ, неутомимо дѣятельнаго, на все отзывчиваго, составлявшаго гордость не только семинаріи, но и астраханскаго духовенства, и не только духовенства, но и всего астраханскаго общества, человека, который по своимъ богатымъ дарованіямъ могъ-бы въ близкомъ будущемъ составить честь и украшеніе и высшей православной іерархіи. Давно-ли видѣли почившаго, полного силъ и энергіи, при исполненіи разнообразныхъ обязанностей и по должности ректора семинаріи, и предсѣдателя епархіальнаго училищнаго совѣта, и члена различныхъ обществъ, при исполненіи нелѣнливомъ и не только официально механическомъ, но живомъ, дѣятельномъ... Но фактъ былъ на лицо; всѣми уважаемый, весьма многими любимый, нѣкоторымъ близкій по духовному родству, всегда ласковый, гостепримный—теперь представлялъ уже холодный трупъ, безгласный, бездыханный, не имѣющій ни вида, ни доброты, Господи! зачѣмъ же это случилось? Для чего ты такъ рано пресѣваешь жизнь людей молодыхъ, полезныхъ, жизнь, кипящую избыткомъ силъ физическихъ и

особенно духовных? Зачѣмъ ты лишаешь бѣдный миръ нашъ, ходящій во тьмѣ и сѣни смертной въ огромѣйшей его части, лишаешь свѣтильниковъ слова Божія, людей сильныхъ духомъ, вѣрою и любовью, людей, такъ необходимыхъ этому грѣшному миру?

Но смиримся предъ непостижимыми судьбами Промысла Божія и послушаемъ библейскаго мудреца, который за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени пропикалъ своимъ умомъ въ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о преждевременно умирающемъ праведникѣ, онъ указываетъ и причину его ранней смерти: угодна была Господу душа его... хотя онъ скончался рано, но достигъ совершенства (13 ст.). Въ этихъ словахъ, сказанныхъ еще задолго до прішествія въ миръ Христа Спасителя, но выражающихъ однако вполне основную мысль всего христіанскаго ученія, заключается разгадка нашего недоумѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное утѣшеніе намъ при видѣ настоящаго гроба. Земная жизнь съ ея благами и страданіями, утѣхами и несчастьями, — различныя человѣческія отношенія и преимущества, земная дѣятельность — не составляютъ цѣли сами по себѣ, и истинный христіанинъ не долженъ стремиться только къ земному и видѣть въ немъ самоцѣнное и самодовлѣющее благо.

Не говори уже о злѣ, которое, какъ слѣдствіе грѣха, какъ отрицательное явленіе, конечно уже не можетъ являться цѣлью христіанина, — и всякое земное благо, если даже къ нему и не примѣшивается положительное зло, имѣетъ въ христіанствѣ только ограниченную цѣнность, — абсолютную цѣнность оно пріобрѣтаетъ только чрезъ свою связь и соотношеніе съ безконечнымъ добромъ, къ царству небесному. Вотъ почему христіанство, дозволяющее христіанину земныя блага, освящающее человѣческія отношенія и союзы: семейный, государственный, — однако, конечную ихъ цѣль и абсолютную цѣнность видитъ не въ нихъ самихъ, а въ царствѣ небесномъ, къ которому они приводятъ разными способами. Для христіанской вѣры изъ этого воззрѣнія невольна представляется тотъ выводъ, что человѣколюбивый Господь иногда преждевременно пресѣкаетъ человѣческую жизнь, когда видитъ, что тотъ или другой человѣкъ уже приготовилъ себя для жизни вѣчной и хотя пожилъ немного, но достигъ уже совершенства и какъ зрѣлый плодъ, быстро созрѣвшій на богатой почвѣ подъ жгучимъ вліяніемъ лучей южнаго солнца, срывается десницею Владыки жизни и

смерти для сокровищницы жизни вѣчной. Держаємъ вѣрить и утѣшатъся, что преждевременная, по нашимъ человѣческимъ соображеніямъ, смерть о. архимандрита Кирилла, въ дѣйствительности есть великій актъ милосердія Божія къ почившему, награда за его жизнь, благостный призывъ въ царство небесное, гдѣ уже не будетъ ни печали, ни скорби. Хотя покойный прожилъ только 32 1/2 года, но можетъ ли кто нибудь, хотя немного знающій его жизнь, или имѣвшій возможность бесѣдовать съ нимъ, отрицать, что эта кратковременная жизнь привела его уже къ возрасту старости и вполне приготовила для жизни будущей. — Цѣлыя 15 лѣтъ, т. е. почти половину жизни онъ проводитъ въ учебныхъ занятіяхъ сначала въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ семинаріи и наконецъ въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія — въ духовной академіи, гдѣ добросовѣстно и съ любовью трудится надъ своимъ богословскимъ образованіемъ; труды его были оценены по достоинству, — студентъ Константинъ Лопатинъ кончилъ академическій курсъ первымъ и чрезъ нѣсколько времени былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія. Товарищи его любили и выразили это поднесеніемъ ему отъ всего курса альбома съ фотографическими карточками, — явленіе рѣдкое и свидѣтельствующее о несомнѣнныхъ достоинствахъ почившаго, потому что оцѣнка товарищей — самая искренняя и безошибочная. Но никто ни изъ профессоровъ, ни изъ товарищей не проникали во внутреннюю храмину молодого студента и никто даже не подозрѣвалъ, какія мысли и намѣренія таятся въ душѣ магистра Константина Лопатина, всегда скромнаго, но вмѣстѣ неизмѣнно любезнаго, общительнаго и немного свѣтскаго, какія думы и чувства обдумывалъ онъ, когда подолгу ходилъ по длиннымъ академическимъ корридорамъ. А молодой ученый великую думу обождалъ; съ ясностью правильно развитаго и широко богословски образованнаго ума онъ постигалъ суету міра, полнаго скорби, страданій, жи, неурядковъ, постигалъ и постигъ... Чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанія выпускныхъ экзаменовъ въ академическій совѣтъ поступаетъ прошеніе молодого магистра о постриженіи его въ иночество. Въ своихъ думкахъ онъ постигъ, что самое лучшее въ жизни не то, что мы въ ней видимъ и чѣмъ она намъ кажется, что міръ обѣщаетъ только радость, а чаще даетъ только горечь, — открываетъ широкую дорогу, но эта дорога безнадежныхъ блужданій и обмана; и въ то время, когда предъ

нимъ открылись широкія двери здѣшней жизни со всѣми ея радостями, онъ отрекается отъ нея и вступаетъ на узкій путь иночества, путь тернистый, полный духовной брани. — Отрекшись отъ міра, почившій во всемъ сердцемъ возлюбилъ Бога, постоянно возгрѣвая въру въ него молитвою, истовымъ совершеніемъ церковнаго богослуженія: мы все помнили, какъ онъ всячески заботился о благолѣпнн церковнаго богослуженія, какъ онъ горѣлъ духомъ во время принесенія Безкровной Жертвы, какъ сіяло лицо его въ особенно священныя минуты богослужебнаго общенія съ Богомъ и какъ внутренніе восторги выражались въ разнообразныхъ переливахъ его звонкаго голоса. — Горя любовью къ Богу, онъ переносилъ это божественное чувство изъ сердца и на всехъ людей. Все помнить только любвеобильнаго и ласковаго, кроткаго и обходительнаго начальника, который заставлялъ неволью забывать въ немъ его положеніе и открывать ему свою душу всю, безъ утайки, онъ былъ скорѣе товарищемъ своихъ подчиненныхъ и отцемъ, желающимъ сдѣлать имъ какъ можно болѣе добра. Онъ дѣтельно сочувствовалъ скорѣйшему разрѣшенію уже назрѣвшаго вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи преподавателей, — съ необыкновенною энергіей осуществилъ мысль о попечительствѣ бѣдшимъ ученикамъ при нашей семинаріи. Онъ любилъ подчиненныхъ: кому не памяты его дружескія бесѣды съ преподавателями послѣ воскресныхъ литургій, его доброе, полное христіанскаго духа, отношеніе къ ученикамъ, его доступность всемъ и всякому. — Всегда въ трудѣ, постоянно съ кѣмъ нибудь занятый, о чемъ нибудь заботящійся, самолично проникающій во все самыя мелкія стороны семинарскаго жизни, — почившій жилъ только для другихъ; живя для ближнихъ, онъ совершенно забывалъ жить для себя; онъ отдалъ всю жизнь Богу на служеніе ближнимъ и не желалъ брать себѣ изъ нея ни единой крупичицы. — «И угодна бѣ Господу душа его, — и потщася отъ среды лукавствія». — Господь взялъ его отъ насъ изъ этого грѣшнаго и лукаваго міра. Смиренно покоримся премудрой воли Божіей и въ неожиданной для насъ смерти о. архимандрита Кирилла съ върою усмотримъ благое изволеніе Божіе о немъ.

Среди подобныхъ размышленій и воспоминаній о почившемъ, частію грустныхъ, частію отрадныхъ, — неволью предносится тяжелый, вызывающій слезы, образъ осиротѣлой матери почившаго, которая да-

леко, далеко отсюда, почти за 3000 версть, теперь переживаетъ тяжелыя невыносимыя страданія, скорбь, равной которой нѣтъ ничего въ мірѣ. Помолимся объ этой страдалицѣ, да пошлетъ Господь Богъ въ ея скорбное сердце отраду и утѣшеніе. Помолимся и о почившемъ, да приметь его Господь Богъ въ свои небесныя обители, гдѣ въ ближнемъ общеніи съ Богомъ и святыми духъ почившаго о. архимандрита Кирилла найдетъ безконечный просторъ для своего развитія и радость и утѣху неизглаголанную. Аминь.

Р ъ ч ь

предъ началомъ отпѣванія о. ректора Астраханской дух. семинаріи архимандрита Кирилла, произнесенная инспекторомъ семинаріи священникомъ Симеономъ Покровскимъ.

Дорогой и незабвенный о. ректоръ!

Не чаяли мы, твои сослуживцы и ученики, что такъ скоро намъ придется прощаться съ тобою, а тебѣ шествовать въ такой далекій путь, откуда къ намъ обратно не возвращаются. Ты нѣсколько разъ, во время своей болѣзни, приведшей тебя къ этому пути, высказывалъ мнѣ, что тебѣ не хочется оставлять насъ даже для высшаго званія, которое, по человѣческимъ соображеніямъ, предстояло тебѣ здѣсь на землѣ, на нивѣ Христовой. А между тѣмъ Богу угодно было тебя воззвать отъ сей земной юдоли въ селенія небесныя совершенно неожиданно и для насъ, и для тебя самого.

Если-бы мы провожали тебя въ какой-либо земной градъ къ новому мѣсту твоего жительства и служенія, то хотя-бы и печалились при разлукѣ съ тобою, но имѣли-бы нѣкое утѣшеніе, надежду одни — видѣть тебя на новомъ мѣстѣ, другіе — по крайней мѣрѣ слышать о тебѣ и о твоей дѣятельности; но нынѣ мы провожаемъ тебя со слезами; ибо, пока находимся здѣсь, въ брэнномъ тѣлѣ, никто изъ насъ тебя не увидитъ и никто о тебѣ ничего не услышитъ. А это для насъ весьма тяжело. Не смотря на краткое время твоего служенія въ нашей семинаріи, мы такъ успѣли сжиться съ тобою, такъ привязаться къ тебѣ, что даже теперь кажется для насъ непонятнымъ, какъ

это мы раньше жили безъ тебя и еще труднѣе намъ представить, какъ мы будемъ жить послѣ тебя. Когда годъ тому назадъ мы услышали первыя вѣсти о назначеніи тебя на мѣсто нашего начальника, то были въ большомъ затрудненіи, не зная, каковъ будетъ нашъ начальникъ, въ какія отношенія онъ станетъ къ намъ и ждали тебя съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Приѣхалъ ты, и скоро все наше смущеніе разсѣялось. Тотчасъ обнаружились тѣ добрыя твои свойства, которыя насъ такъ привлекали къ тебѣ, привлекали, впрочемъ, и не насъ только, а и всѣхъ, кто имѣлъ съ тобою какія-либо сношенія. Твоимъ сослуживцамъ и ученикамъ эти свойства были виднѣе, а потому и понятнѣе твоя личность; эти свойства: доброта сердца, правдивость и энергія въ дѣятельности.

Твое отъ природы доброе, отзывчивое сердце къ человѣческимъ нуждамъ и горю потому привлекало такъ всѣхъ къ тебѣ, что ты былъ молодъ, и суровая жизнь еще не успѣла разсвѣять въ тебѣ часто привлекательныхъ и возвышенныхъ представленій о людяхъ. Ты желалъ видѣть въ людяхъ только лучшія ихъ стороны; поэтому и относился ко всѣмъ просто и довѣрчиво, не столько пользуясь своими начальственными правами, сколько надѣясь на свое нравственное вліяніе и воздѣйствіе на ихъ жизнь и дѣятельность. Этимъ и можно объяснить ту простоту и ту доступность твою въ обращеніи не только съ сослуживцами, но и съ учениками, и даже съ малыми неразумными дѣтьми, которыхъ именно привлекало къ тебѣ твое доброе сердце. Этимъ-же объясняется твое сочувствіе, состраданіе твое къ чужому горю и радости. Можно сказать, что ты радовался нашими радостями и печалился нашими печалями, посѣщая наши жилища и интересуясь всѣмъ, что у кого случилось, и принимая всѣхъ сослуживцевъ во всякое время къ себѣ, особенно-же въ праздничное, когда мы собирались около тебя и предавались воспоминаніямъ изъ прежней жизни, дѣлились новостями и сужденіями по различнымъ вопросамъ своей службы.

Не смотря на твое доброе сердце, одного его было бы недостаточно для утвержденія твоего авторитета, который стоялъ высоко, — если-бы проявленія твоего добраго сердца не сопровождались правдивостью. Ты былъ великій противникъ всякой лжи, проявлялась-ли она на словахъ или на дѣлѣ и какъ былъ правдивъ самъ во всѣхъ отно-